

Дождевые капли охотно льнули к куполу черного зонта, словно поглощавшего любой лучик света. Темнота служила им идеальным укрытием.

Крупные капли разбивались о спицы и скользили по наклонной ткани — точь-в-точь как человеческие судьбы, что то расходятся, то сливаются вновь. Огибая Шэн Юаня, вода стекала на мокрую землю у него за спиной.

Сквозь пелену дождя Шэн Юань отчетливо понял: между ним и господином пролегла непреодолимая пропасть.

Познав жестокие законы мира, где выживает сильнейший, он наконец осознал, почему иные тратят всю жизнь на погоню за властью. То, что низвергало его самого в пучину отчаяния и заставляло биться в бессильных судорогах, для господина, должно быть, оставалось лишь пустяком, не стоящим малейших усилий.

Там, на недостижимой высоте, даже лунный свет наверняка казался ярче.

В век, когда миром правит корысть, человеческая жадность разгорается от малейшей искры, стоит лишь почувствовать вкус успеха.

Но притязания Шэн Юаня были чисты.

Тихий и кроткий от природы, он безмолвно, робко и с мучительной надеждой молил об одном: пусть этот черный купол укрывает его как можно дольше.

Всю жизнь он желал лишь покоя.

Му Сяодо посмотрел на юношу сверху вниз. Бледная кожа казалась почти прозрачной, светлые влажные глаза светились чистотой. Во взгляде сквозило что-то дикое, кошачье — и вместе с тем трогательно-беззащитное. Шэн Юань смотрел на него робко, но без тени страха.

В глухом, давно запертом сердце Му Сяодо будто шевельнулся пушистый кошачий коготок.

— Шэн Юань, уезжаем со мной, — негромко произнес он.

Сквозь плотную водяную завесу Шэн Юань заметил лишь, как шевельнулись тонкие губы мужчины.

Без слухового аппарата мир вокруг смолк. Юноша не умел читать по губам, и его мгновенно

охватила паника.

Дрожащими руками он протянул сломанный прибор, спешно и сбивчиво оправдываясь:

— Слуховой аппарат... разбился. Я совсем ничего не слышу, простите...

Покрасневшие глаза блестели от слез, кончик носа забавно порозовел. На длинных ресницах дрожали мелкие капли, мешая смотреть.

Внезапно перед глазами мелькнула алая бусина — браслет из киноварной бодхи на чужом запястье. Мужчина осторожно забрал сломанный прибор.

Му Сяодо молча опустился перед ним на одно колено. Тусклый свет уличного фонаря мягко очертил их профили.

Мужчина покрутил в пальцах крошечную деталь. По пластиковому корпусу пробежала тонкая трещина, сквозь которую виднелись сложные схемы.

Без этого хрупкого изобретения Шэн Юань оставался совершенно беспомощным перед лицом оглушительной, пугающей тишины.

Спрятав аппарат в карман плаща, Му Сяодо поднял взгляд на растерянного юношу.

Зонт, упертый тростью в стык между дорожными плитками, надежно укрывал их от непогоды.

Му Сяодо взял его холодную, узкую ладонь и принялся неторопливо выводить на ней иероглифы.

— Шэн?..

Шэн Юань робко прочитал первый слог. От щекотки он невольно втянул голову в плечи.

Убедившись, что мальчик все понял, мужчина вывел следующий знак.

—... Юань.

Традиционное начертание заставило его задуматься. Шэн Юань носил имя в таком сложном написании всего пару дней, пока отец не сменил его на упрощенный вариант.

В тот миг ему было неважно, откуда приехал дядя — из Гуандуна или Гонконга. Главное, что

мужчина обращался именно к нему.

Юноша тихо угукнул и позвал его:

— Дядя.

Му Сяодо в ответ созвучно кивнул и вновь коснулся его ладони пальцем.

— Пошли.

— Со.

— Мной.

Эти три слова прозвучали в его мыслях подобно грому. Они попали в самую уязвимую точку его души.

Испугавшись собственного порыва, Шэн Юань дернулся, пытаясь высвободить руку, но мужчина мягко, но властно удержал его за пальцы.

Часто моргая, будто вспугнутая птица крыльями, он смахнул капли с ресниц и беззащитно прошептал:

— Куда?..

Впрочем, ответ ему был не нужен.

Веди его этот человек хоть в преисподнюю, он шагнул бы за ним не задумываясь.

Му Сяодо на секунду замер, а затем бережно вывел на ладони последний иероглиф:

— Дом.

Шэн Юань окончательно растерялся. Встретившись с этим серьезным, глубоким взглядом, он безмолвно застыл.

Му Сяодо поднялся, по-прежнему крепко сжимая его озябшие пальцы, и увлек за собой к припаркованному на перекрестке автомобилю.

От теплой мужской ладони шло спасительное тепло. Окоченевшие пальцы Шэн Юаня постепенно расслабились, словно весенний снег, тающий от первого солнца.

Сквозь запотевшее стекло Шэн Юань наблюдал, как огни некогда шумной улицы Чансин тают в ночной дымке, превращаясь в размытые сонные блики.

Юньчуань еще никогда не казался ему таким красивым. Весь этот блеск, манящий хаос огней и вихрь чужих жизней вдруг наполнились непривычным уютом, заставив на миг забыть о пережитой здесь боли.

Оглядев роскошный салон автомобиля, он вспомнил, как на этом самом месте когда-то сидела красавица Юй Янь.

Блистательная, безупречная — именно такие люди должны были находиться рядом с его дядей.

Шэн Юань отвел глаза и в темном отражении стекла наткнулся на собственное лицо: исхудавшее, бледное, со слипшимися от дождя волосами. Жалкое зрелище.

Трудно было представить кого-то более неуместного в этой дорогой машине.

Он ведь только что копался в мусорных баках, промок до нитки, и от него, должно быть, разило мокрой псиной и гнилью.

Сгорая от стыда, он сжался в комочек на самом краю кожаного сиденья и замер, едва касаясь носками коврика. От напряжения его забила мелкая дрожь.

Заметив это, Му Сяодо набросил ему на плечи мягкий плед. Водитель тут же сориентировался и прибавил тепла в салоне.

Разбуженный возней, щенок Яояо недовольно зевнул и выкарабкался из-под куртки. Недолго думая, он принялся исследовать салон, смешно перебирая лапами по дорогой коже сидений.

— Яояо, нельзя! — испуганно прошептал Шэн Юань, пытаясь поймать озорника.

Но упрямый пес лишь вильнул хвостом, блеснул черными бусинками глаз и юркнул в сторону.

Трехногий зверек обладал на редкость бесстрашным нравом. Абсолютно все вокруг вызывало у него живейший интерес: он обнюхивал швы обивки, скреб коготками панели и, к величайшему

облегчению хозяина, хотя бы не додумался справить нужду прямо на дорогой кожаный диван.

Вдоволь нарезвившись, пес устремил взгляд на главную загадку этого вечера — молчаливого господина, сидевшего рядом.

— Ну куда ты... — Шэн Юань попытался перехватить щенка, но тот ловко вывернулся из рук.

Закусив губу, юноша виновато покосился на дядю.

Понимая, что мальчик его боится, Му Сяодо намеренно не докучал ему вниманием, позволяя освоиться.

Подперев рукой подбородок, он задумчиво созерцал стекающие по стеклу капли. Его лицо казалось таким же отстраненным, как и в их первую встречу в усадьбе Цзыгэвэй, но во взгляде читалось нечто скрытое, недоступное посторонним.

Из-за отсутствия задней лапы Яояо передвигался забавными прыжками, напоминая заводную игрушку.

Добежав до Му Сяодо, щенок деловито обнюхал подол его дорогого плаща. Хвост при этом крутился с такой скоростью, что, приделай собаке крылья, она непременно взлетела бы под потолок.

Оторвавшись от созерцания дождя, Му Сяодо подхватил щенка за загривок и пересадил к себе на колени. Тот ничуть не испугался, принявшись ластиться и лизать его пальцы шершавым розовым языком.

Му Сяодо тихо усмехнулся, позволяя зверьку возиться. Он аккуратно коснулся короткой культи на месте недостающей лапы.

Пес даже не вздрогнул — значит, все благополучно зажило.

Он перевел взгляд на притихшего юношу, без слов побуждая к рассказу.

Шэн Юань поджал под себя ноги и робко заговорил:

— Я нашел его на улице... У него был сложный перелом, пошло заражение, пришлось ампутировать лапу. Хозяйка квартиры заявила, что животным у нее не место. Сказала: либо я выгоняю пса, либо убираюсь сам. Вот мы и ушли.

Он впервые произнес при дяде столько слов разом и сам удивился собственной смелости.

Му Сяодо молча выслушал его, мысленно отметив неожиданное упрямство в характере этого хрупкого создания.

Плед, сброшенный мужчиной, так и оставался на голове юноши — тот просто побоялся его снять.

Вообще-то Му Сяодо надеялся, что тот вытрет мокрые волосы, но Шэн Юань сидел неподвижно, укутанный как кокон. Эта нелепая покорность казалась трогательной.

Пересев поближе, Му Сяодо положил ладонь ему на макушку и сквозь ткань принялся мягко вытирать ему волосы.

От этого неожиданного жеста Шэн Юань оцепенел, боясь сделать даже вдох.

Вот только у каменных изваяний не бывает столь бешено колотящегося сердца.

Заметив лихорадочный румянец на его лице, Му Сяодо приложил тыльную сторону ладони к его лбу. Кожа горела. Изнуренный скитаниями организм не выдержал сырости и холода.

Ласка мужчины подействовала умиротворяюще. Постепенно напряжение спало, и юноша судорожно выдохнул.

До него донесся знакомый аромат — тонкий, хвойный шлейф с благородной горчинкой, точно такой же, как у того пальто, что до сих пор хранилось у него в комнате.

— Дядя... — Шэн Юань опустил голову еще ниже, утыкаясь лицом в плед. Голос его дрожал. — Вы... не могли бы приютить меня на какое-то время?

Откуда в нем взялась эта дерзость, он и сам не понимал.

Но суровая правда заключалась в том, что бежать ему было больше некуда.

Му Сяодо убрал влажную ткань, обнажая его лицо. Шэн Юань судорожно сжимал пальцами край сиденья, словно боялся, что его вот-вот выставят на мокрую мостовую.

Перед глазами мужчины вдруг всплыл призрак из прошлого. Много лет назад, когда он только привез этого мальчика в дом семьи Шэн, тот точно так же тенью следовал за ним, вцепившись крошечными пальцами в полу пиджака. И никакая сила не могла заставить его разжать кулачки.

Ему тогда едва исполнилось шесть. Оторванный от матери, брошенный за тысячи

километров в чужие края с незнакомцем, он до безумия боялся остаться один.

Поддавшись этому нахлынувшему воспоминанию, Му Сяодо осторожно высвободил ткань из его побелевших пальцев.

Но на этот раз он не отстранился, а крепко накрыл его ладонь своей.

Переплетя пальцы, он сжал его руку в безмолвном, но надежном обещании, заменявшем тысячи слов.

Шэн Юань не выдержал. Горячие слезы хлынули из глаз, тяжелыми каплями падая на их соединенные ладони.

Автомобиль бесшумно мчался сквозь ночь. Туда, где их ждал дом.

Нынешняя весна выдалась дождливой, ветреной и слякотной.

В ту ночь, под занавес юньчуаньской бури, Му Сяодо подобрал на дороге глухого мальчишку и покалеченного щенка.

"Если бы я мог избавить тебя от всех невзгод, развеялся бы твой страх без следа?"

"Если ты станешь концом моих скитаний в бушующем море, смогу ли я вновь увидеть солнце?"

"Пусть совесть моя нечиста. Пусть ты согласен на все".

<http://bllate.org/book/20131/2131760>